

Но, как сказано выше, у русского народа нет своей воли, о чем свидетельствует сама Русская история. В 1613 году казаки посадили на Русский престол князя Михаила Романова, а за переводом этой династии произошло „нашествие немцев“, самое горшее из всех русских бед, как свидетельствует проф. Кизиветтер. Достаточно вспомнить позорное междуцарствие немецких принцесс, утопавших на престолах в роскоши и разврате и даривших направо и налево русское государственное достояние, землю и людей международным авантюристам за личные удовольствия. Вспомните позорнейший 1917 год, когда пьяный матрос Железняк по приказанию полугатарина — Ленина разгоняет долгожданное Российское учредительное Собрание. Это ли не всемирный русский позор? Это ли не доказательство отсутствия воли даже среди народных избранников, съехавшихся со всех концов необъятной России творить волю посланных их. Что они сделали в ответ на этот татарский жест Ленина? Дали достойный отпор этому насилию? Ничего подобного. Как потомственные рабы — пали ниц форменно. Это же был привычный свист бича. Я сам с омерзением переступал в этот же день через трепещущие тела „лучших представителей русского народа“, выгнанных из зала заседания и лежащих на улицах Петрограда во время бедной матросами стрельбы. Тогда то я в первый раз и вспомнил прочитанное в детстве о рабском атаклизме.

Правые хорошо понимают эту врожденную черту русского народа, так долго и упорно ими культивировавшую, и потому то они так жестоко нападали на и теперь нападают на представителей рус. демократии. Зная, что интеллигенция и демократия отбили у них это покорное русское стадо и не сумеет справиться и удержать в своих руках этих „взбунтовавшихся рабов“, передали их целиком в деспотические лапы III интернационала, в руках которых это стадо является послушным орудием для осуществления безумных коммунистических экспериментов.

Значит в будущей Рос. Дем. республике вольнолюбивое Казачество должно будет снова служить и „охранять от врагов внешних и внутренних“.

Казачество никогда уже не пойдет на это.

3. О л е н ы х (большевиках) и говорить не приходится. Это заклятые враги Казачества, о чем свидетельствует последнее десятилетие разбойно-большевического владычества. С ними у Казачества борьба продолжится не на жизнь, а на смерть. Рано или поздно большевик не станет и верится, что это уже не за горами. Казачество задушить им не удастся. От некоторых благоразумных русоприходится слышать: „Россия или должна быть казачьей или никакой. Россия уже не будет“. Сто с лишним лет назад Наполеон на острове Св. Елены сказал: „Россия рано или поздно потеряет Польшу, вряд ли удержит Финляндию и никогда не получит Константинополя. Сама Россия рано или поздно пойдет к черту по воле какогонибудь деспота, а Европа будет или республиканской или кавказской“. Проницательным гением Наполеона еще тогда Казачество было оценено по достоинству.

Если бы в свое время Правительство Российское побольше-бы обращало внимания на Казачество и подравнивало по нему остальные русские губернии, то Великая империя не докатилась-бы до страшной катастрофы 1917 года, не было бы места Интернациональной хамской власти и всех губительных последствий, связанных с нею: братоубийственной войны, уничтожения государственного имущества, веками нажитого, расстройств хозяйственной жизни страны и транспорта, понижения производительности во всех областях жизни, гибели миллионов населения во время небывалого голода в 1921-22 г. (по статистическим вычислениям с 1917 до 1926 г. нехватка до нормы достигает колоссальной цифры в 25 миллионов человек), растления молодого поколения и продолжающихся ежедневно бессудных расстрелов и казней несочувствующих этой проклятой власти, особенно в казачьих Краях.

Казаки теперь уже понимают, что в каком бы виде ни возродилась Российская власть, она неизбежно погубит Казачество. И тем из казаков, кто интересы Москвы и безвольного русского народа-раба ставит пре-

выше бытия и интересов Казачества и таким образом вольно или неволью (по недомыслию) продает и предаст Казачество, всякий истинный казак должен сказать: „Нам, Вольным Казакам, не по пути и с московскими слугами.“

Помните, казаки, что сила Казачества в нашей единении и только в организованной борьбе за свою самостоятельность Казачество приобретет право жить и устраиваться по своему собственному желанию, а не по московской указке, и только в этом случае Казачество будет спасено от окончательного уничтожения и быстрыми шагами пойдет к еще небывалому расцвету.

А иначе... гибель и конец Казачеству... а нам — нашему поколению, не пожелавшим и не сумевшим спасти Казачество, будет вековечное проклятие от нашего потомства.

В. Довгань.

Ловкость рук.

(Письмо в редакцию).

В журнале „Путь Казачества“ № 30—31 г. В. Дьяконов напечатал статью под не соответствующим содержанием заголовком „Долой маску“. В ней он коснулся и моего скромного имени, при чем мои недоуменные вопросы в журнале „В. К.“ № 11 он без зазрения совести превратил в слова, якобы являющиеся доказательством неустойчивости направления „В. К.“

На этом основании автор статьи, вместо серьезного ответа на мои вопросы, отделался несколькими удачными и неудачными шутками и... пошленическим шовинистическим выпадом.

В. Дьяконов (он-же В. Кундрюков, он-же В. Константиновский, он-же В. Т. Васильев, как сообщили мне из достоверных источников) в качестве опорочивающего мои добросовестные недоумения аргумента счел нужным указать, что я — калмык: какая новость, я и не делал из этого тайны, ведь я и подписываюсь своим полным именем.

Да, станицник Дьяконов-Васильев (двойная фамилия для точности), я — калмык, но калмык — донской казак, как и Вы, Дьяконов-Васильев. Верно, я состою в Союзе „Единство Казачества“, как и Вы в свое время состояли в нем.

Я заявляю: мне неизвестно, в чем предательство „В. К.“ и, полагая, что всякий простой казак может и должен „сметь свое мнение иметь“, я высказал, как мог, свое искреннее недоумение. Но значит ли это — пускать „туману и дурману“ для улаживания простодушных? Уверю что я никогда не был и никак не претендую быть „ловцом человек“. Для меня совершенно достаточно и того, если меня не „словят“ действительно ловкие ловцы типа Дьяконова-Васильева.

Итак, что же говорит г. Дьяконов-Васильев в своей статье? И много и ничего. Много потому, что он ни на один мой вопрос не ответил, видимо потому, что эти ответы не в пользу защищаемого им положения-туника.

Так и запишем: идеологи „П. К.“ в защиту своих идейных положений, кроме шовинистических выпадов, науськиваний и легких шуток ничего не могут сказать.

По за то, оставив мои вопросы без ответа, автор статьи усердно занялся передергиванием. Он старается уверить читателей „П. К.“, что я в своей статье всех противников „В. К.“ зачисляю в ряды большевиков.

Мягко выражаясь, уверения г. Дьяконова-Васильева не соответствуют действительности.

Я говорил... „до настоящего времени еще не было ни одной русской политической партии, искренно благожелательно к казачеству относящейся“. Говорил об одном русском ученом, из года в год предсказывающем падение большевиков и свое предсказание сопровождающим просьбой: не бить большевиков. Значит ли это, что я всех противников „В. К.“ причислил к большевикам?

Вероятно, сам журнал „В. К.“ ответит на счет пускания „больше туману и дурману“. Но мне хочется выжить насколько „ясна“ позиция журнала „Путь Казачества“.

— Мы желаем самостоятельного казачьего государства, — ясно и определенно говорит „В. К.“

— Это преступление перед Россией, предательство казачьих интересов. Казаки никогда не стремились к самостоятельной государственной жизни. — отвечает „П. К.“

Позвольте, как же это так? Я в своей статье („В. К.“ № 11) приводил статьи Донской Конституции, Положения о Войсковом Круге и Текст Присяги, которые совершенно опровергают утверждение „П. К.“ Но, помимо этого, постоянный сотрудник „П. К.“ проф. С. Г. Сватиков в своем большом историческом труде „Россия и Дон“, изданном Донской Исторической Комиссией, председателем коей состоял редактор „П. К.“ В. А. Харламов, говорит: „С 1549-го по 1720-е годы Дон являлся государством и, одновременно, республикой. С 1720-х годов и до 1917 года Дон являлся провинцией России. С 1917 по 1920 год Дон снова становится государством, снова республикой“ (разбивая самого автора).

170 лет Донское Казачество жило, как самостоятельное государство, и, при первой же возможности, оно снова восстановило свое государственное бытие. А „П. К.“ утверждает, что Казачество никогда не стремилось к самостоятельной государственной жизни.

Но тут же „П. К.“ сам признает, что это Донское Государство было разгромлено Московским Правительством (физической силой) и противореча своему вышеприведенному утверждению, с достоинством вопрошает ген. Краснова объяснить причины уничтожения Войсковых Кругов, лишения казаков права выбирать своих Атаманов, расхищения казачьей войсковой земли „толкими трудами, заслугами и кровию отцов — приобретенные и т. д.“

Выходит, с одной стороны нельзя не признаться, но с другой стороны нельзя не признаться. Позволительно спросить: кто же тут пускает „думану и дурману“?

Весь с точки зрения нынешнего Харламова, редактора „П. К.“, нужно прежде всего призаодить к позорному столбу прежнего Харламова вместе с Сватиковым, воскресавшего и вбивавшего в голову казачьей молодежи идею о Донском Республиканском Государстве.

Нормально, всякий учитель радуется успеху своих учеников. Но тут происходит обратное. Теперь казачьи старики из „П. К.“ говорят молодежи: мы вас учили, для этого много писали, говорили, вы же, блудные сыны, напрасно усвоили наше учение так, как мы писали, ибо на самом деле нужно было читать между строк. Вы преступники, ибо вы не научились быть такими эластичными, как мы, старики, потому что это дает возможность, смотря по обстановке становиться на совершенно противоположные позиции...

Вот „грех“ и „страшное преступление“ казачьей молодежи.

— Мы хотим восстановить и утвердить Казачью Конституцию, — так же ясно и определенно говорит „В. К.“

— Подлецы, продажники, — раздается в ответ из рядов „П. К.“

Вместе с тем, г. Дьяконов-Васильев пишет: „Слава Богу, вся казачья масса (за исключением ничтожного числа реакционно-правых казачьих элементов Красновско-Грabbе-Филимоновского толка) крепко держится своих Конституций и готова при первом же удобном и достойном случае, вступить на основе их в новую борьбу с советской властью, игнорируя, таким образом, уже раз испытанный положительный опыт суверенного существования казачьих земель в период борьбы с большевиками“ (разбивка моя Ш. Б.).

Значит, идея о самостоятельном Казачьем Государстве сама по себе не преступна? Значит, „вся казачья масса крепко держится своих Конституций и готова за нее бороться“? Прекрасно. Мы то в этом никогда не сомневались. Но „П. К.“ как раз за такое убеждение „В. К.“, так жестоко нападает на него.

Стоило ли гозорить так много страшных слов и столько страниц журнала писать, чтобы влед самих же себя опровергать?

Но автор статьи, видимо придает принципиальное значение своим словам: „с советской властью“ — „в период борьбы с большевиками“, каковых дополнений,

по крайней мере в Донской Конституции нет. Но вместе с тем он готов бороться за казачьи права и против Красновско-Грabbе-Филимоновской русской власти. Какой же это принцип? Настоящий и правдивый принцип один — бороться за казачьи права со всеми, кто на них будет посягать.

Радуясь, что вся казачья масса крепко держится своих Конституций и готова за них бороться, „П. К.“ тут же обрушивается на тех кто желает восстановления этой Конституции. Разберись тут! В чем дело? А дело, видите, как толкует „П. К.“, в том, что один из казачьих „деятелей“ съездил в Варшаву, другой — в Париж, а потому сама по себе прекрасная идея вдруг превратилась в свою полную противоположность.

Удивительно! Но ведь одновременно и г. Васильев-Дьяконов ездил в Латвию, Литву, а Харламов каждый год ездил в Париж, а теперь оба ездил в Берлин. Что же из этого? Разве ценность идеи сама по себе меняется от путешествия того или иного лица?

— Будем бороться со всеми врагами Казачества, будь то Московское Правительство или какое другое. — говорит „В. К.“

— Враги русского народа, наймиты, — вопят Васильевы-Дьяконовы.

Но в том же журнале „П. К.“ № 30—31 передовик, сурово осуждая б. Донского Атамана П. Н. Краснова, приводит его слова: „Если они (казаки) будут талдычить и упрямо, как индюки, болботать (язык то каков!): „народоправство, братство, равенство“ — никакая центральная власть их не потерпит“.

Меня совершенно не удивляют эти слова. В них ярко выражено подлинное, истинное отношение к Казачеству русского „патриота“, отстаивающего „единство“ Российской Империи и только! Тут Краснов, не как казак, а как русский патриот, по-солдатски прямолинейно, без гумана и филиоксии, выразил действительное настроение русских общественно-политических деятелей.

И, казалось бы, русский патриот В. А. Харламов должен бы только радоваться этой прямолинейной записке Российских интересов. Но он с возмущением, противореча всему своему писанию в „П. К.“, говорит: Потерпят или не потерпят — это всецело будет зависеть от самих казаков. Если они будут единодушны в отстаивании своих прав, как в случае с „мятежом“ Атамана Каледина, то конечно, они выйдут победителями“.

Победителем над кем? Конечно же, над Российским Правительством, как „в случае с „мятежом“ Атамана Каледина“. Новое доказательство, что борьба с Российским Правительством сама по себе не есть преступление.

Очень интересен вопрос об этом самом „мятеже“ Атамана Каледина. Теперь передовик „П. К.“ слово мятеж берет и кавычки. Но, ведь, с точки зрения „П. К.“ Каледин был действительно мятежником без кавычек, ибо этот журнал, противореча своему передовику, объявляет, что все, кто не подчинится общепризанному Российскому Правительству, суть преступники, предатели России.

Но ведь в августе 1917 года существовало общепризнанное Российское Правительство с А. Ф. Керенским во главе. Это Правительство объявило Атамана А. М. Каледина мятежником и потребовало его в Москву на суд. Каледин хотел ехать, но Войсковой Круг приказал ему не ехать („с Дона выдачи нет“) и Атаман подчинился приказу Круга.

Как же тут быть — мятежники ли Круг, приказавший Атаману не подчиняться общепризанному Российскому Правительству, и Атаман, подчинившийся приказу Круга?

„П. К.“, согласно с „В. К.“, прямо отвечает на этот вопрос, что Круг и Атаман достойно защищали права и интересы Донского Казачества против посягательства на них общепризанного Российского Правительства.

Отсюда снова новый вывод, что борьба с Российским Правительством за казачьи права и интересы сама по себе не есть преступление.

Весь вопрос, по мнению „П. К.“, сводится к тому, кто будет стоять на главе этого Правительства. Если большевики — надо бороться, если Краснов-Грabbе-Филимонов с единомышленниками — надо бороться, если

Сыраыйцы — ату их, если Керенский и его единомышленники — не подчиняйся, ну, а если эр-деки — то не смей пикнуть! Удивительная принципиальная позиция, поразительная „ясность“.

И это говорят и ищут серьезные люди, претендующие играть большую роль в общероссийском масштабе и быть руководителями Казачества.

Еще.

„В. К.“ желает в целях освобождения Родных Краев бороться доступными ему средствами и способами с Красной Армией, как боролись казаки и раньше.

— Не смейте, расчленители России, — говорят „П. К.“ и объясняет: „с нашей точки зрения, для интересов и освобождения России и сохранения ее целостности лучше желать укрепления Красной Армии, а не ослабления и разложения“.

В течение трех лет Казачество вело отчаянную борьбу с этой Красной Армией, как с врагом Казачества, и все белые вожди также считали ее врагом Российских интересов. А теперь „П. К.“ пишет: „единственная вооруженная сила, которая стоит на страже целостности русской земли — это Красная Армия. И чтобы она успешно выполнила эту свою задачу — охрану и защиты России — необходимо ее укрепление, а не ослабление и разложение, как думает ген. А. П. Богаевский“.

Пот „ясность“!? С одной стороны мы радуемся желанию казачьей массы бороться с советской властью, а с другой стороны — мы все свои силы приложим к укреплению той же советской Красной Армии!

Доигрались! С каких это пор Красная Армия стала „единственной защитницей“ российских и казачьих интересов? Значит была напрасно пролита казачья кровь в борьбе с этой Красной Армией, „истинной защитницей русской земли“? Значит, Вы, нынешние руководители „П. К.“, тогда на положении вождей Казачества, зря призывали казаков к этой борьбе?

Какое циничное признание! Или скажете, тогда не было угрозы „расчленения“ России и в своей семье можно было позволить маленькую забаву и поиграться казачьей кровью?

Если бы господа из „П. К.“ заявили, что тогда мы, мол, ошибались и делали вредное для целостности России дело, это было бы поистине честно и ясно. Но утверждать, что и тогда и теперь мы правы — невозможно.

В течение целого десятилетия неустанно утверждать и вбивать в сознание казачьей молодежи: Свободное Ка-

зачество, Вольное Казачество, Казаки — вольные люди, рабами никогда не были и не должны быть, „с Дона выдачи нет“, „Казаки — лучшие русские люди“ и т. д. и т. п., а когда учение начинает давать свои плоды, как страус прятать свою голову, провозглашать и повторять: „Я-не я и лошадь-не моя“.

Г. Дьяконов-Васильев торжественно и гордо заявляет, что он вместе с Керенским, Милюковым и Деникиным и пишет: „Мы не отрицаем своей солидарности в этом вопросе об армии с упомянутыми русскими патриотами.“

Мне кажется, что Каледин и Керенский не соизмеримы. Ктонибудь один из них: Каледин или Керенский. Г. Дьяконов-Васильев вместе с Керенским, как „с русским патриотом“. Мы предпочитаем быть с Донским Атаманом А. М. Калединым.

Еще одно признание Дьяконова-Васильева. Он согласен, вместе с Керенским, что всякая власть лучше большевицкой. Но тут же он со свойственной ему ловкостью рук, приводит подтасованные цитаты, уверяет читателей „П. К.“, что я сплю и во сне вижу иностранные интервенции и добиваюсь прихода этой „всякой власти“ исключительно лишь ценой прихода и в не „новых господ“.

Новая передержка г. Дьяконова-Васильева. Вот соответствующее место моей статьи: „Я, лично, готов освободить свой Родной Край даже при помощи чужих сил“...

Значит ли это, что я мечтаю и во сне вижу исключительно „приход извне „новых господ““?

Обвиняю меня в „смертном грехе“ — желании освободить Родные Края даже при помощи чужой помощи, — Дьяконов-Васильев в конце своей статьи пишет: „Мы не отрицаем помощи извне. Больше того, мы думаем, что без нее русскому народу и казачеству в борьбе с советской властью и впредь не обойтись“.

Ишь, ловкий! Здорово!?

Одно жалко, что Дьяконов-Васильев, по свойственной ему привычке или в пылу увлечения, забыл, что страницы печатного органа не есть темные закулисы.

Нет, не г. Дьяконову-Васильеву взывать: „Долой маску“, если ему самому, вследствие определенной известности казачеству своей физиономии, приходится надевать маску; прятаться под псевдонимом, скрываться под чужой фамилией.

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Литва и Польша в Лиге Наций.

50-ая сессия верховного совета Лиги Наций прошла под знаком польско-литовского спора.

На этом месте (см. № 2 „В. К.“ от 25. XII. 1927 г.) даны были элементы польско-литовских государственных отношений. Декабрьская сессия верховного Совета Лиги, казалось, нашла пути для разрешения, или по крайней мере, для смягчения диссонансов между указанными странами. На этой сессии присутствовали ответственные представители Литвы и Польши: проф. Вольдемарас и маршал Пилсудский. Маршал поставил профессору короткий вопрос: мир или война? Профессор ответил перед лицом Верховного Совета: мир. Пожали друг другу руки, приняли предложение Совета начать непосредственные переговоры о регулировании элементарных добрососедских отношений, обещали представить все это к июньской сессии, — и из этого ничего не вышло. Переговоры после долгих проволочек, правда, состоялись. Тянулись они долго, принявши ползучий характер; велись в Кенигсберге, Берлине и т. д. Стороны, казалось, пришли к некоторому соглашению, но когда, наконец, надо было подписать соответствующий протокол, Литва сделать это отказалась. И обе стороны яви-

лись на сессию Верховного Совета с пустыми руками. Произошло это потому, что и Литва и Польша заинтересованы не столько в урегулировании тех или иных государственных между ними отношений, сколько тем, чтобы так или иначе был наконец окончательно решен обоими сторонами известный вопрос о Вильне и виленьской территории. Польша считает этот вопрос несуществующим. Она владеет указанной территорией и фактически и на основе решения высших международных учреждений в Европе, признаваемых и Литвою.

Литва не мирится с такой постановкой вопроса. Она считает виленьскую территорию своею и подписание каких-либо договоров с Польшей для нее было бы равносильно отходу от Вильны. Для того, чтобы продемонстрировать это перед лицом всего света, проф. Вольдемарас в новую литовскую конституцию, недавно опубликованную, внес даже особый параграф, в котором город Вильна, находящийся сейчас в польских руках, объявлен столицей Литовской республики. В прежнее время подобная демонстрация была бы равносильна объявлению войны. В наше время, даже при желании, не так легко начинаются войны. Сражение, однако, произошло, но разыгралось оно не на литовских полях, а в зале заседаний Верховного Совета Лиги Наций. Это